

Александр Пархоменко

КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ

Александр Пархоменко

КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ

«Автор»

2026

Пархоменко А.

**КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ / А. Пархоменко — «Автор»,
2026**

Мир, где ошейник на шее измеряет каждую эмоцию. Искренняя радость — плюс, гнев — минус, слёзы — штраф. Любовь — аномалия, которую система немедленно фиксирует и передаёт в центр управления. Ая — учительница, вынужденная учить детей правильно дышать, чтобы не потерять баллы. Её мать умирает от болезни, а очередь на операцию зависит от рейтинга. Демид — сын создателя системы. Его ошейник — декоративный фейк. Он никогда не знал настоящих чувств. Их встреча случайна. Их контракт циничен: она даёт ему баллы эмпатии, он оплачивает операцию. Но когда ошейники начинают сходить с ума от аномальных импульсов, они понимают: система не измеряет эмоции — она их убивает. Социальная антиутопия о мире, где чувства превратили в валюту, и о двоих, которые рискнули всем, чтобы вернуть людям право быть живыми. «Свобода — это не баллы. Это выбор. Выбор быть собой».

© Пархоменко А., 2026

© Автор, 2026

Александр Пархоменко

КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ

КОЭФФИЦИЕНТ ПРИТЯЖЕНИЯ

Пролог

Птица была маленькой, серой, с дрожащей грудкой. Она перелетела через шоссе, села на придорожный камень — отдохнуть, оглядеться. На секунду показалось, что мир замер.

Машина вылетела из-за поворота — серебристый силуэт на низкой скорости, но достаточно, чтобы сместить камень. Хрустнуло тихо, почти незаметно. Колесо даже не дрогнуло. Стекло тонированное, внутри — неразличимый профиль. Машина уходила вдаль, к холмам, где стояли стеклянные особняки.

Ая шла по обочине с сумкой учительницы. Она услышала этот звук — не громкий, но внутри что-то оборвалось. Подошла. Птица лежала на боку, глаза уже застыли. Тёплое тело ещё хранило утреннее солнце.

Она сняла шарф, аккуратно завернула птаху, отнесла под дерево. Своими руками — без инструментов, без цифр — вырыла ямку в рыхлой земле, положила, присыпала. Над могилкой воткнула веточку.

Ошейник на её шее коротко пискнул: зарегистрировано «сочувствие», +2 балла. Ая горько усмехнулась. Машина, та, что убила, — её ошейник, наверное, даже не дрогнул. А может, у него вообще не было датчиков. Как у них.

Глава 1. Эм-порог

Писк ворвался в сон раньше, чем Ая открыла глаза. Противный, металлический — ошейник не терпел неурядиц. Она дернулась, коснулась пальцами холодного обода: на дисплее высветилось **«Штраф: -2 балла. Причина: ночной кошмар (тревожность)»**.

— Да чтоб тебя... — прошептала она, садясь на постели.

Слева, за ширмой, тяжело дышала мать. Кислородная маска мерно шипела, на тумбочке мигал пульсометр. Ирина Серова спала — или просто потеряла сознание, Ая уже не различала.

Ая сделала три глубоких вдоха, как учили в школе. Ошейник пересчитал пульс, экран моргнул: «Восстановление: +0.5». Мало. Но хоть что-то.

Она бесшумно накинула халат, выскользнула в общий коридор. По пути заглянула на кухню — дядя Миша уже сидел там, наливая чай из заварника.

— Опять штрафанули? — спросил он, не оборачиваясь. Его ошейник, старый, с треснувшим пластиком, тонко звенел каждый раз, когда он врал. А врал он постоянно.

— Кошмар приснился, — буркнула Ая, забирая кружку.

— А я вчера выиграл двадцать баллов! — похвастался сосед. — Сказал тётке Клаве, что её пирог — божественный. А он был тухлый. Но я так искренне это произнёс, что система поверила.

Ая невольно улыбнулась.

— Ты хоть не жулик, Миш. Ты — актёр.

— Актёр — это профессия, — подмигнул он. — Сегодня линейка в школе? Первое надевание?

— Завтра, — поправила Ая. — Сегодня просто уроки.

Она пошла в школу пешком, потому что на маршрутке надо было тратить баллы за «пользование общественным транспортом» (система считала это эмпатически нейтральным). Ноги несли её мимо разбитого тротуара, мимо круглых камер, следящих за выражением лиц. Она почувствовала на затылке взгляд системы — холодный, безличный.

В классе №7 её ждали двадцать пар глаз. Кира, та самая шестнадцатилетняя поэтесса, сидела на первой парте, нервно теребя карандаш.

— Сегодня мы поговорим о том, как ошейник видит наши чувства, — начала Ая, рисуя схему на доске. — Он измеряет пульс, электрическую активность кожи, микродвижения мышц. И если ты искренне сопереживаешь — получаешь баллы. Если злишься или завидуешь — теряешь. Всё просто.

— А если я плачу, потому что мне грустно? — спросила Кира. — Меня накажут за грусть?

Ая запнулась. Ошейник на её шее чуть сжался — система зафиксировала «неуверенность». Она быстро выдохнула и сказала:

— Грусть — это нормально, если она не разрушает. Но система не различает причины, она видит только пик. Так что плакать надо... тихо.

В классе повисла напряжённая тишина.

После уроков Ая ехала в маршрутке, прижимая к груди сумку с тетрадями. Народу было много, ошейники звенели, перемигивались зелёными и красными огоньками. Вдруг на повороте её сильно качнуло — она потеряла равновесие и полетела вперёд, прямо на высокого парня, который стоял у поручня без всякой охраны, в дорогом пальто.

— Ой, простите! — выдохнула Ая, ухватившись за его руку.

Парень повернулся — тёмные глаза, немного усталые, но с искоркой интереса. Это был Демид Воронцов, сын самого председателя Совета. Ая узнала его по фотографиям в новостях, хотя он был без обычной свиты.

— Вы меня спасли, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Я чуть не упал.

Ая смутилась. Её ошейник внезапно взвизгнул и высветил огромное зелёное число: **«+15 баллов. Спонтанная эмпатия»**. Все в маршрутке обернулись. Демид посмотрел на её ошейник, потом на неё.

— А вы... учительница из седьмой? Я видел ваше выступление в сети.

— Ая, — выдавила она.

— Демид, — он слегка склонил голову. — Приятно познакомиться.

И тут маршрутка остановилась, дверь открылась, и Демид вышел, исчезнув в толпе. Ая осталась стоять, чувствуя, как ошейник всё ещё горит от переизбытка баллов. Люди вокруг шептались, показывали пальцами. Она поспешно прыгнула на своей остановке и почти бегом добежала до дома.

Вечером, на коммунальной кухне, дядя Миша уже всю обсудил её «подвиг».

— Говорят, ты с самим Воронцовым за ручку держалась! — он смеялся, поглаживая свой треснутый ошейник. — Давай-ка рассказывай, как баллы качала.

— Мы просто столкнулись, — отмахнулась Ая, грея ужин. — Случайно.

— Случайно, — передразнил её Миша. — А у меня случайно ошейник не пилит. Смотри, Ая, эти элитные только и умеют, что чувства наши в игру превращать. Ты ему — душу, он тебе — баллы. А толку?

— Миш, хватит, — устало сказала она.

Но сосед был неугомонен:

— Ладно, ладно, я на своём веку таких «принцев» видел. Только они на птичек не смотрят, под колёса бросают.

Ая вздрогнула, вспомнив утреннюю серую птаху под деревом. Она промолчала.

Вернувшись в свою комнату, она села за стол и открыла планшет. Почта мигнула новым сообщением. Отправитель: **Демид Воронцов**.

Тема: **«Запрос на эмпатическую сессию»**.

В тексте было сухо: *«Уважаемая Ая, разрешите пригласить вас на официальную беседу для обмена эмоциональным опытом. Ваш показатель эмпатии зафиксирован системой как аномально высокий. Моя команда предлагает сотрудничество. Вознаграждение — покрытие медицинских расходов. Жду ответа»*.

Ая перечитала три раза. Сердце стучало. Мать, за ширмой, закашлялась во сне.

Она нажала «Принять». Ошейник одобрительно пискнул: **«Социальный рост активен»**.

В окно дул ветер, и где-то далеко, в стеклянном особняке на холме, Демид смотрел на тот же закат. Его золотой ошейник лежал на столе — отключённый, ненужный, декоративный. Он не знал, что его машина сегодня утром раздавила птицу. И не знал, что девушка с серым ошейником успела эту птицу похоронить.

Но система запомнила всё. Аномалия уже была запущена.

Интро ко второй главе. Молния

Небо над пустырём было чистым — ни облачка, ни ветра. Только жара, стекающая по асфальту. Мальчик лет тринадцати, в рваных джинсах и белой футболке, гонял мяч. Он подпрыгнул, чтобы пнуть его повыше, и в этот миг разряд пробил воздух — без грома, без предупреждения.

Удар пришёлся в макушку, прошёл через позвоночник, выжег мышцы на спине, остановился в пятках. Футболка вспыхнула и приплавилась к коже. Глаза мальчика закатились, тело рухнуло как сломанная кукла, на лице — застывшая гримаса удивления.

Его нашли через пятнадцать минут. Прохожие вызвали скорую, но не смели подойти — от тела пахло озоном и палёным мясом. Медики зафиксировали ожоги третьей степени на шестидесяти процентах тела, остановку сердца, клиническую смерть.

Машина «Скорой помощи» рванула с сиреной, рассекая город. Стекло витрины дрожали от звука, люди на тротуарах шарахались. Водитель торопился — каждая секунда решала, будет ли у мальчика шанс. На перекрёстке, где светофор мигнул жёлтым, скорая не успела затормозить.

Пешеход — пожилой мужчина с палкой — вышел на «зелёный», но не услышал сирены. Удар пришёлся в бок, тело отбросило на столб. Кровь разлетелась веером по бордюру. Скорая замерла. Водитель выскочил и закричал. В салоне зашипела аппаратура — мальчик начал агонизировать.

Теперь в машине лежали двое. Третий — мёртвый, прямо на перекрёстке. Система «Эмпатического контроля» мгновенно зафиксировала инцидент, вычла баллы у водителя, у пешехода (посмертно), у всего квартала за «коллективный шок».

А в стеклянном особняке на холме Демид Воронцов смотрел на экран и видел то же, что и вся страна: репортаж с места трагедии.

Глава 2. Контракт

Ая сидела на кухне, глядя в планшет, и не могла оторваться. Трансляция новостей шла в прямом эфире: «Скорая помощь по пути к пострадавшему от удара молнии сбила пешехода. Мальчик скончался в машине. Пешеход — тоже. Водитель задержан. Система оценивает его действия как „критическую халатность“».

На экране мелькнули цифры: водитель потерял 120 баллов за секунду — его рейтинг рухнул до нуля. Но Ая смотрела не на цифры. Она видела тело старика на асфальте, его трость, отлетевшую в сторону, и красное пятно, расплывающееся под колёсами.

— Господи... — выдохнула она.

Рядом возник дядя Миша. Он принёс чай и, прищурившись, глянул на экран.

— Опять система убивает, — сказал он без обычной улыбки. — Только почему-то всегда виноваты люди. Скорая спешила спасать ребёнка — и задавила старика. А система видит только нарушение. Она как линейка: не отличает добро от зла, только сантиметры.

— Он хотел успеть, — пробормотала Ая. — Водитель ведь тоже человек.

— А система — нет, — отрезал Миша. — Она смотрит на пульс и штрафует. Старик уже умер, а ему списали баллы. За что? За то, что его сбили? Это всё равно что наказывать труп.

Ая отвернулась. Её ошейник тихо пискнул — она снова потеряла 0.5 балла за «эмоциональное расстройство». Она взяла себя в руки, встала.

— Мне нужно идти. У меня встреча.

— С тем красавчиком с маршрутки? — Миша усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Смотри, Ая. Он из их мира. Может, его машина тоже вчера кого-то сбила, а он даже не заметил.

Ая вздрогнула, вспомнив птицу. Но не ответила. Она накинула пальто и вышла.

Они встретились в Центральном парке. Демид уже сидел на скамейке, без свиты, в простом тёмном пальто. Рядом с ним лежал планшет с открытым договором. Ая присела на край скамьи, не глядя на него.

— Вы видели новости? — спросила она тихо. — Про скорую.

— Видел, — ответил Демид без тени эмоций. — Мой отец уже распорядился, чтобы водителя лишили лицензии. Система права.

— Система не права! — вырвалось у Аи. — Она не различает, зачем он спешил. Он торопился спасти ребёнка, а его теперь судят как убийцу. Разве это справедливо?

Демид посмотрел на неё внимательно, и в его глазах мелькнуло что-то — удивление или интерес.

— Справедливость — это когда все подчиняются одним правилам. Иначе хаос. Я думал, вы, как учительница, это понимаете.

— Я понимаю, — Ая сжала кулаки. — Но правила должны видеть намерения. А эта штука, — она коснулась ошейника, — видит только цифры.

Демид помолчал, потом закрыл планшет.

— Я не для того вас позвал, чтобы спорить о системе. У меня есть предложение. Оно поможет вашей матери. — Он протянул ей лист с напечатанным договором. — Я оплачиваю её операцию. Полностью. Взамен вы проводите со мной сеансы эмпатии — официально, по протоколу. Вы делитесь переживаниями, я — слушаю. Это поднимет мой рейтинг. Мне нужен доступ к архивам отца.

— А если я не хочу быть вашим инструментом? — спросила Ая, но голос дрогнул — она думала о матери.

— Тогда ваша мать умрёт, — сказал Демид ровно, без жестокости, скорее констатируя факт. — Я видел её карту. У неё осталось две недели.

Ая побледнела. Ошейник взвизгнул: «Эмоциональная нестабильность, –1 балл». Она сделала глубокий вдох и сказала:

— Хорошо. Я согласна.

Они приложили ошейники к сенсору договора — электронные подписи засветились зелёным.

В этот момент у Демида зазвонил телефон. Он ответил, послушал, и его лицо на мгновение дрогнуло.

— Что-то случилось? — спросила Ая.

— Это отец, — сказал Демид, убирая трубку. — Он хочет, чтобы я прекратил это. Но я не собираюсь. Теперь у нас есть контракт, Ая. Вы не сможете от него отказаться — система заблокирует все ваши баллы.

Он встал, коротко поклонился и ушёл. Ая осталась сидеть на скамейке, глядя на опустевшее место. Где-то вдалеке снова завывла сирена — очередная скорая, очередная трагедия.

Она вернулась домой и застала мать без сознания. Ирина лежала на кровати, маска съехала набок, пульсометр показывал критический уровень. Ая в панике позвонила в больницу. Ей ответили: «Ваша мать записана на операцию через три дня. Средства поступили. Подождите».

Ая рухнула на пол, сжимая в руках планшет. Она не знала, что Демид только что перевёл сумму — и что её мать, скорее всего, не доживёт до операции.

Но она цеплялась за надежду, как за соломинку.

Вечером в кухню заглянула Лика. Она пришла с цветами — дешёвыми гвоздиками — и обняла Аю.

— Я слышала про контракт, — сказала Лика, ставя цветы в банку. — Ты дура, но я бы сделала то же самое. Только, Ая, смотри: эти элитные не играют по нашим правилам. Он может в любой момент переписать договор. Ты ему нужна, пока ты даёшь баллы. Как только станет невыгодно — выбросит.

— Я знаю, — ответила Ая, глядя в тёмное окно. — Но выбора нет.

— Выбор всегда есть, — вздохнула Лика. — Просто иногда он уродливый.

Ая кивнула, но ничего не сказала. Она смотрела на облака, затягивающие луну, и думала о птице, о мальчике, о старике — и о себе. Все они были жертвами системы. Но только она могла что-то изменить.

Она закрыла глаза и прошептала:

— Прости, мама. Я всё сделаю.

Интро к третьей главе. Отключённый

Ая шла по переулку, сокращая путь к Центральному парку. Вчерашний договор тянул свинцом на шее, и она почти не смотрела по сторонам, пока резкий звук — рычание и повизгивание — не заставил её поднять голову.

Напротив мусорного бака сидела худая дворняга, жадно доедая выброшенный кусок хлеба. Вторая собака — рыжая, с подбитой лапой — неуверенно подбиралась поближе. Первая зарычала, но рыжая не отступала. Они стояли друг напротив друга, но еды было мало.

В этот момент из дверей пиццерии вышел мужчина. Обычный, в поношенной куртке, с усталым лицом. В руках он держал коробку — явно недоеденную пиццу. Он открыл коробку,

ловко снял ломтики колбасы и положил прямо на асфальт, чуть в стороне от собак. Затем отступил, закурил.

Ая замерла. Она заметила, что на шее у мужчины нет ошейника. Вообще никакого. Пустота. Мужчина спокойно затынулся, потом достал из кармана маленькую плоскую флягу, отпил — Ая узнала запах спиртного, запрещённого во всём городе. Он прикрыл глаза, словно наслаждаясь моментом.

Собаки, забыв про вражду, набросились на колбасу. Мужчина улыбнулся им, докурил сигарету, затушил о стену, и только после этого из внутреннего кармана извлёк свой ошейник — самый обычный, серый, с потёртостями — и защёлкнул его на шее. Ошейник засветился зелёным, регистрируя владельца.

Ая стояла как вкопанная. Она видела, как он отключил систему — просто снял её, как шапку. Знала, что за это — пожизненное обнуление. Но он сделал это без страха, будто так и надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.